

Взрослое детство

Графика Г.Ингера
на Новом Арбате

В галерее “Кросна” на Новом Арбате проходит выставка замечательного художника-графика Григория Ингера. Его имя, принадлежащее к блестящей плеяде русских еврейских художников, таких, как Шагал, Тышлер, Фальк, Каплан, долгое время оставалось в тени великих. Да и сегодня, несмотря на то, что Ингер создал целые серии иллюстраций к произведениям Шолом-Алейхема, Переца, Шолом Аша, вошел своими работами в собрания Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств и многих других, его рисунки мало кто знает. Это неудивительно, поскольку, помимо небольших московских выставок последних лет, “увидеть” Ингера практически негде. Единственным приятным исключением стал маленький, почти карманный альбомчик в стильной монохромной картонной обложке: “Григорий Ингер. Мое детство”. В нем всего лишь около тридцати работ мастера, принадлежащих к циклу станковых композиций “Мое детство”, создававшихся художником на протяжении последних двадцати лет жизни в оригинальной манере, напоминающей детский рисунок. Да еще несколько пронзительных фрагментов из дневника и большая статья о художнике и его творчестве, написанная известным искусствоведам М.Чегодаевой.

Художник, родившийся в маленьком еврейском “местечке” на Украине, входящем в пресловутую черту оседлости, с бесконечной любовью и ностальгической грустью ощущал свое детство. Для него, рано и абсолютно оглошшего вследствие тяжелой болезни, пестрый и полунищий

мир детства навсегда остался счастливым царством звуков, символом страстной мечты еврейского мальчика о недоступно дорогой скрипке, символом тоски вечной тишины, пронесенной Ингером сквозь долгую взрослую жизнь. Как пишет Чегодаева: “Художник с необычайно широким диапазоном творческих интересов, увлеченно создававший циклы рисунков, посвященных Бетховену и Паганини, Шостаковичу и Чарли Чаплину, оставивший интересные иллюстрации к “Дон Кихоту” и множество прекрасных работ с натуры, Ингер все же три четверти своего искусства отдал еврейской теме, тому, что составляло самое существо его жизни, — воспоминаниям о далеком детстве на Украине, о близких людях, оставшихся за незримой гранью времени”.

Рисунки “детства”, показанные на выставке и вошедшие в книжку, впрочем, как и непоказанные и невошедшие — контрастные, напряженные, очень романтические и первоклассно-профессиональные портреты, пейзажи и иллюстрации к классикам еврейской литературы, ставят Ингера в один ряд с лучшими мастерами графики XX века. А сам альбом хорошего дизайнера и полиграфии, построенный на контрасте мелованной бумаги и серого картона, лаконичных черно-белых и ярких, красочных цветных репродукций, создает образ художника с легким оттенком романтики “слепого музыканта” и “глухого композитора”, чей трагический ореол так хорошо коррелируется с судьбой Ингера и вселенской тоской изгнанного народа.

Павел КИНИН

Слева: “Наша столовая”. Справа: “Скрипка”. 1979 г.
Кудьюра. - 2002 - 27 июня - 3 июля - с.8